

Г. Ф. Миллер.

ТРАДИЦИИ

Абдулла **ДАУДОВ**, доктор исторических наук,
директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета
Андрей **ДВОРНИЧЕНКО**, доктор исторических наук
Евгений **РОСТОВЦЕВ**, кандидат исторических наук

БОРЬБА ЗА ИСТОРИЮ

80 лет историческому факультету СПбГУ*

Об исторической науке в Петербурге и петербургской исторической школе сказано и написано много¹. Среди современных исследовательских проектов, посвящённых как истории Петербургского университета, так и российской историографии, эта проблематика занимает важное место². Отметим, что в словнике подготавливаемого в настоящее время сетевого словаря историков Петербургского университета XVIII–XX веков — более 1100 человек³. Таким образом, историческая наука в Петербургском университете не только в качественном, но и в количественном отношении традиционно играет ведущую роль в национальной историографии, сопоставимую, пожалуй, только с ролью другого крупнейшего университета — Московского. Юбилей возрождения исторического образования в Петербургском университете — 80-летие исторического факультета (ныне — Института истории) Санкт-Петербургского университета — повод для постановки важных вопросов, связанных с корпорацией историков Санкт-Петербургского университета. Каковы её основные традиции? В чём заключается специфика петербургской исторической школы?

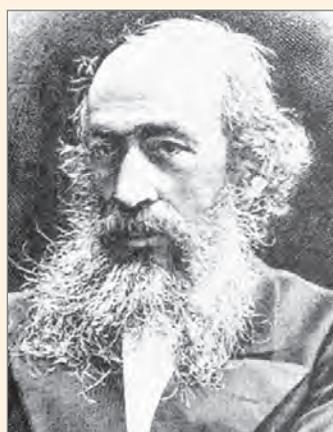
Юбилей возрождения исторического образования в Петербургском университете — 80-летие исторического факультета (ныне — Института истории) Санкт-Петербургского университета — повод для постановки важных вопросов, связанных с корпорацией историков Санкт-Петербургского университета. Каковы её основные традиции? В чём заключается специфика петербургской исторической школы?

Н. Г. Устрялов.

М. С. Куторга.

К. Н. Бестужев-Рюмин.

Н. И. Костомаров.

РОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Университет в Петербурге — одно из крупнейших и старейших подобного рода заведений в России — богат традициями исторической науки и образования. Проносились десятилетия и даже столетия, менялись «контекст эпохи», правительственная политика по отношению к университету и ситуация в стране в целом, — а он продолжал жить и накапливать знания и опыт в этой научной сфере, как, впрочем, и во всех других.

Уже в ту пору, когда университет находился в структуре Академии наук, в XVIII

веке, его сотрудники активно занимались историческими разысканиями в области истории. Немец по происхождению Готтлиб Зигфрид Байер (1694–1738) — автор блестящих исследований по конкретным вопросам — стал основателем научного антиковедения в России⁴. Другой немец — Герард Фридрих Миллер (1705–1783), — будучи первым ректором университета, не только активно занимался российской историей, но и внёс огромный вклад в источниковедение, в теорию исторической науки. Он оказал огромное влияние на одного из величайших источниковедов — Августа Людвиг Шлёцера (1735–1809), — а спор между Миллером и его идейным противником Михаилом Васильевичем Ломоносовым, при всех его издержках, оказал плодотворное влияние на развитие исторической на-

уки — хотя бы тем, что привлёк к ней более пристальное внимание.

Нет сомнения в том, что «академический период» заложил особый стиль исторической науки в Петербурге, связанный с научной систематизацией и выработкой методов критики исторических источников, прежде всего в области русской истории. На основе этой научной традиции в XIX веке и проходила институционализация петербургской исторической школы в рамках таких научных учреждений, как Историко-филологическое отделение Академии наук, Археологическая комиссия, Русское историческое общество, Общество любителей древней письменности, Историко-филологический институт, Археологическая комиссия и другие. Однако центром школы, несомненно, являлся историко-филологический факультет Петербургского университета⁵.

*Статья выполнена при поддержке гранта СПбГУ 5.38.98.2012 («Петербургский университет в истории России XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть», руководитель — проф. Р. Ш. Ганелин).

Дело изучения античной истории взял на себя Михаил Семёнович Куторга (1809–1886), а кафедру русской истории занял замечательный знаток петровской эпохи Николай Герасимович Устрялов (1805–1870). Историю в университете преподавали блестящий учёный Николай Иванович Костомаров (1817–1885) и гениальный писатель Николай Васильевич Гоголь, страстно увлекавшийся историей. Устрялов стал своего рода «дедушкой» петербургской исторической школы, а отцом её по праву считается Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897)⁶. Этот представитель славного дворянского ро-

русской истории стали изучать общественное и революционное движение в нашей стране. Как отметил С. Н. Валк, всё следующее поколение историков прошло через аудиторию Платонова⁸. Особое место в этой когорте занял Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919)⁹, который известен не только своими конкретно-историческими исследованиями, но и знаменитой «Методологией истории»¹⁰.

В 1890-е годы на первый план выдвинулись почти одновременно закончившие университет Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869–1908) и Александр Ев-

1884) — нового и новейшего времени. Каждая из этих сфер исторического знания к концу столетия «прочно встаёт на ноги»¹². Время от времени к ним присоединялись новые направления исторического знания. По уставу 1863 годов на историко-филологическом факультете появилась кафедра истории церкви и истории (и теории) искусств. Последнюю в 1880–1890-е годы занимал выдающийся учёный, создатель иконографического метода Никодим Петрович Кондаков (1844–1925), который, наряду с Фёдором Ивановичем Буслаевым (1818–1897) из Московского университета, считается основателем искусствоведения вообще. Вводить новые курсы позволяла и предметная система, которую практиковали в университете. Так, в 1909 году в качестве приват-доцента кафедры русской истории для чтения курсов по археологии был приглашён знаменитый археолог Александр Андреевич Спицын (1858–1931), — чем было положено начало археологической подготовке¹³.

В конце серебряного века историческая наука была представлена в университете целым созвездием имён: Николай Иванович Кареев (1850–1931), Иван Михайлович Гревс (1860–1941), Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) и многие другие¹⁴. А какая была подготовка учащихся! Выпускник Московского университета Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) вспоминал, что для сдачи магистерского экзамена в Петербургском университете ему «полагалось изучить четыре специальных вопроса»: по русской истории, по древней истории, по средневековой истории и по новой истории. Надо было ещё написать письменную работу по соглашению с профессором и выдержать коллоквиум в присутствии одного или двух членов факультета, которые задавали вопросы. Но и это ещё не всё. Требовалась ещё так называемая «клаузурная работа» по русской истории, тема которой не объявлялась, её надо было писать без всяких пособий, в одной из подвальных комнат университета. В эту комнату приносились письменные принадлежности и, в запечатанном конверте, темы...

Включённость истории в науку и образование историко-филологического факультета обогащало и историков, и филологов. Кем считать, например, великого Алексея Александровича Шахматова (1864–1920)? Его лингвистические работы — золотой фонд филологии, но он и автор блестящих работ по истории. Выдающийся историк-антиковед Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) был профессором по кафедре классической филологии, а исторической славистикой занимался доктор филологии Владимир Иванович Ламанский (1833–1914).

Более того, тогдашних историков невозможно оторвать и от юриспруденции. Когда по освещённому солнцем главному коридору

С. Н. Валк и его ученики.

да воплотил в себе единство двух важнейших университетов России: выпускник Московского университета, он до конца своих дней служил в Петербургском, где и подготовил плеяду талантливых учеников.

Бестужев-Рюмин активно занимался источниковедением. Его классификация исторических источников сохраняет свою значимость и научную ценность и в наши дни. Был он и прекрасным знатоком отечественной истории, которую, вслед за Устряловым, понимал достаточно широко (как это и надо делать), включая в неё историю Великого княжества Литовского, а затем Украины и Белоруссии. Формировавшаяся научная школа изучения российской истории была чрезвычайно многогранна: от теории исторической науки до исторической географии.

Среди учеников отца-основателя крупнейшую роль играл Сергей Фёдорович Платонов (1860–1933)⁷. Основной темой его научных занятий была Смута начала XVII века, что было по-своему символично: страна медленно, но неотвратимо двигалась к новой смуте. Одними из первых члены кафедры

Пресняков (1870–1929). Им была отведена удивительная роль: подвести итоги развития науки в предшествующий период и наметить пути, по которым пойдёт историческая наука уже в советское время. Пресняков впервые сделал отдельным предметом исследования Киевскую Русь — начальный период истории всех восточнославянских народов — и системно рассмотрел проблему образования Великоорусского государства¹¹. Павлов-Сильванский попытался взглянуть на историю России сквозь призму становящейся популярной тогда идеи о феодальном периоде в истории человечества. Получилась во многом спорная, но цельная концепция.

Стараниями ученика Куторги — Фёдора Фёдоровича Соколова (1841–1909) — и его учеников богатый спектр форм составило антиковедение: от историко-филологического направления до целостного культурно-исторического восприятия античности. Трудом Михаила Матвеевича Стасюлевича (1826–1911) началось изучение истории средних веков, Василия Григорьевича Васильевского (1838–1899) — византиноведения, Василия Васильевича Бауэра (1833–

А. Е. Пресняков.

А. С. Лаппо-Данилевский.

С. В. Рождественский.

С. Ф. Платонов.

университета в здании Двенадцати коллегий шествовали, прежде чем разойтись по своим аудиториям, профессора Сергеевич и Бестужев-Рюмин, они одинаково свободно рассуждали и на исторические, и на историко-юридические темы. Вклад Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885), Василия Ивановича Сергеевича (1832–1910), Александра Дмитриевича Градовского (1841–1889), Михаила Александровича Дьяконова (1855–1919) и многих других в развитие исторического знания трудно переоценить.

А было ещё и востоковедение! Влюблённый в Древний Египет Борис Александрович Тураев (1868–1920) смог обнять в своём историческом синтезе историческое развитие всех стран древности. Он сумел сплотить вокруг себя значительное число выдающейся молодёжи, изучавшей различные страны Древнего Востока.¹⁵

Разумеется, выделить общие черты петербургской школы дореволюционного периода непросто. Пресняков определял её как школу «восстановления прав источника и факта» «вне зависимости от историографической традиции»¹⁶. Действительно, от московской школы петербургская отличалась не только «источниковедческим пафосом», но и заметно меньшей ангажированностью исторического синтеза, заметно меньшей его зависимостью от историко-философских концепций и политических пристрастий. Это вызывало заметное раздражение москвичей и известное напряжение в отношениях между московской и петербургской школами¹⁷.

Анализ эмигрантской исторической мысли показывает, что роль преподавателей и выпускников Петербургского университета была в ней очень велика. Они продолжали развивать свои идеи в тех научных центрах, в которые забросила их судьба — в Праге, Белграде, Париже, городах США и Канады. Многие из них добились выдающихся успехов. В эмиграции написал свои труды Евгений Францевич Шмурло (1854–1934), уже упомянутый Г. В. Вернадский создал свою известную пятитомную «Историю России» и,

вместе с М. М. Карповичем и М. Т. Флоринским, фактически заложил основы американской русистики¹⁸.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ШКОЛА

В ходе очередной смуты и преобразований большевиков прежняя научно-образовательная система была разрушена; на её обломках создавалось нечто новое, ещё слабое и неопределённое. Тем учёным, кто остался в России, пришлось вкушать голод и холод, наблюдать развал любимого университета и, если уцелеют, участвовать в создании новой «социалистической» науки. Это переходное время характеризовалось господством «покровщины», своего рода «изгнанием науки»¹⁹. «Сбросим с корабля истории... историческую науку!»

Хотя в недрах всех этих новых большевистских образований (ЛИЛИ, ФОН и т. д.) рождалось новое поколение историков, — для которого доморощенный марксизм-ленинизм был уже родным, впитанным, что называется, с молоком матери, — важно подчеркнуть, что в 1920-е — начале 1930-х годов оно трудилось рядом и под руководством историков «старой школы» — Платонова, Преснякова, Гревса, таких крупных учёных, как Сергей Васильевич Рождественский (1868–1934), Михаил Дмитриевич Присёлков (1881–1941), Борис Дмитриевич Греков (1882–1953), Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939), Владимир Николаевич Бенешевич (1874–1938) и других. Историки этих двух поколений и составили костяк созданного в 1934 года по указанию самого «отца народов» исторического факультета Ленинградского университета. Под него отвели... склад ленинградской милиции — Новобиржевый гостинный двор, построенный предположительно по проекту Джакомо Кваренги в самом начале XIX века (Менделеевская линия, 5). Первоначально на истфаке ЛГУ было создано пять кафедр: истории СССР, древней истории, истории средних веков, новой истории и истории

колониальных и зависимых стран. Студентов стали набирать не только по классовому принципу, но и по итогам вступительных испытаний. Они получали повышенную стипендию: история была признана дефицитной специальностью, требующейся стране.

И всё было бы хорошо, если бы не кровавый сталинский Молох. Молодой факультет стал объектом репрессий, которые не обошли стороной ни старые, ни новые, «марксистские» кадры. Ещё на слуху было «академическое дело», а по факультету прокатывались стальным катком новые «дела»... Один за другим исчезали деканы и заведующие кафедрами, возрастало идеологическое давление властей.

Новые испытания начались в июне 1941-го. С первых дней войны более трёхсот преподавателей, аспирантов и студентов истфака ушли на фронт. В здании факультета стал действовать подшефный университету госпиталь, где медсёстрами работали студентки. Но историки сражались и пером. И эта идеологическая борьба не менее важна, поскольку противостояла мощной нацистской пропагандистской машине. О том, насколько эффективной была эта деятельность, свидетельствует хотя бы её оценка врагом. Один из крупнейших учёных — Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987) — не только занимался своей основной темой, но и писал массу статей для газет и журналов, брошюры, читал популярные лекции. И всё это на таком уровне, что получал «подмётные» письма, в которых говорилось: «Всё поёшь, ленинградский соловей?! Когда мы придём, — тебе будет первая верёвка!»²⁰ Работа продолжалась и в Саратове, где ЛГУ находился в эвакуации.

Летом 1944 года факультет вернулся в освобождённый от блокады Ленинград, и новый учебный год начался (1 октября) в родных стенах. Университет поднимался из развалин, и вместе с ним возрождалась к новой жизни и историческая наука. Важно, что наряду с новыми кадрами в послевоенное время трудились и корифеи старой исторической школы — Евгений Викторович Тарле

С. Б. Окунь.

Б. Д. Греков.

Р. Ф. Итс.

В. В. Мавродин.

(1874–1955)²¹ Борис Александрович Романов (1889–1957)²², Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975)²³ и другие.

Но испытания не кончились. Вновь начались идеологические кампании — может быть, не такие кровавые, как довоенные, но не менее отвратительные. К 1949 году достигла апогея борьба с космополитами, и в знаменитом лектории истфака состоялась «теоретическая конференция, посвящённая вопросам борьбы с буржуазным космополитизмом в исторической науке». Друзья и коллеги вдруг распались на обвинителей и обвиняемых, причём среди обвиняемых оказались учёные с мировым именем — Василий Васильевич Струве (1889–1965), Владислав Иосифович Равдоникас (1894–1976), Осип Львович Вайнштейн (1894–1980), Соломон Яковлевич Лурье (1890–1964), Семён Бенцианович Окунь (1908–1972), Анатолий Васильевич Предтеченский (1893–1966) и многие другие. Не менее тяжкий удар истфаку пришлось испытать и в ходе «ленинградского дела», когда тоже пострадали многие преподаватели. Результатом всей этой возни стало в 1950-е «падение нравов», выдвигание на передний план всякого рода демагогов и склочников. На заседании кафедры истории СССР, например, материалы обсуждения неких статей заняли два тома, «наработанных» за год. Знаменитый московский историк Пётр Андреевич Зайончковский (1904–1983), присутствовавший на одном из таких заседаний, с горечью говорил: «И по существу жалко, что серьёзные ленинградские историки, которых мы уважаем, занялись таким беспредметным разговором, когда у вас великолепные архивы и целый ряд серьёзных проблем... В течение последних лет у нас культивировались талмудизм, начётничество, погоня за цитатами»²⁴.

Ситуация утряслась лишь к концу 1950-х. Время с этого рубежа до начала «перестройки» можно назвать золотым веком советской исторической науки. В одном из изданий 1990-х годов она не без оснований была названа «феноменом». Эту науку трудно оценить однозначно. Главным её недостатком была

Р. Г. Скрынников.

«зашоренность», когда в основе всех исследований лежал единый идеологический базис, отступление от которого не допускалось. Один из авторов этих строк помнит, как в начале 1980-х исследовательская мысль историков ЛГУ билась над проблемой: чем считать Киевскую Русь — переходным периодом от первобытнообщинной формации к феодальной или последней стадией самой первобытнообщинной формации? И такое (если использовать библейский термин) «пахтание» мысли было во всех сферах исторического знания.

В то же время традиции прежней исторической науки — как бы этого ни хотелось сталинским идеологам — не могли исчезнуть бесследно. Наши учителя возрастали уже при социализме, но их учителями были представители старой школы. Знаменитый академик Греков, который во многом определил лицо новой исторической науки, был магистрантом в Петербургском университете и впитал в себя дух кафедры русской истории. Александр Львович Шапиро (1908–1994) — один из виднейших преподавателей на кафедре истории СССР тех лет — был учеником Преснякова и сам вырастил целую плеяду учёных. Так эстафета от отцов-основателей естественным образом передавалась потом-

кам... В этом смысле исторические школы, которые работали в советский период, были продолжателями давних традиций. В полной мере это относится к школе антиковедения (Эдуард Давидович Фролов), медиевистики (Галина Евгеньевна Лебедева), истории искусства (Нина Николаевна Калинина).

В рамках официального марксизма-ленинизма периода его стабильности вполне можно было работать, зачастую ограничиваясь ритуальными заклинаниями в марксистском духе. Тем более, что ситуация для историков в это время стала мягче: за концепции к стенке не ставили и не ссылали (во всяком случае, далеко). Впрочем, механизмы воздействия на научных противников у тех, кто сидел у академического руля в Москве, всё ещё были. Могли и диссертацию «подвесить» в ВАКе, и желанной должности не дать. В этой обстановке новые исторические школы формировали новые исторические школы и твёрдо отстаивали свои убеждения, какое бы противодействие они ни вызывали. Здесь уместно вспомнить школу Игоря Яковлевича Фроянова, которая сформировалась на кафедре истории СССР и вошла буквально в «клинч» с официальной исторической наукой по поводу Киевской Руси и других проблем средневековой истории²⁵.

Многие годы возглавлявший кафедру Нового и Новейшего времени Владимир Георгиевич Ревуненков (1911–2004) вызвал бурю в науке своей трактовкой Великой Французской революции конца XVIII века. А на кафедре археологии работал «варяжский» семинар Льва Самойловича Клейна, который иначе как «норманнской группой ЛГУ» не называли...

Историческая наука в советский период росла не только вглубь, но и вширь; шёл процесс постоянной специализации и дифференциации наук. После блокады в ЛГУ был воссоздан восточный факультет, и кафедра истории Древнего Востока перешла под его крыло. На протяжении нескольких десятков лет история Востока изучается на этом факультете. В 1960-е на истфаке, помимо кафедры истории КПСС, была создана кафедра

истории советского общества (ныне кафедра новейшей истории России). Ещё одним новообразованием стала кафедра этнографии под руководством Рудольфа Фердинандовича Итса (1928–1990).

Весьма позитивно на состоянии исторической науки и образования сказывалось тесное сотрудничество истфака со всеми научными учреждениями исторического профиля: Ленинградским отделением Института истории Академии Наук СССР, Эрмитажем, Кунсткамерой, Русским музеем и другими музеями нашего города — который сам, как давно известно, может претендовать на статус музея. Это позволяло уже на ранних этапах обучения включать студентов в живой исследовательский процесс, проводить практики в этих заведениях (как, впрочем, и в самых разных местах нашего Союза).

Таким образом, несмотря на все испытания, научная школа, сочетающая источниковедческий пафос, тщательную историографическую рефлексию, проблемность и возможную в условиях советского режима отстранённость от идеологического заказа, сумела сохранить за Петербургским (Ленинградским) университетом статус одного из основных центров национальной историографии. Основа, заложенная в разные периоды истории университета, сыграла свою роль: во время очередного смутного времени — эпохи «перестройки» — наша историческая наука фактически не испытала «среднестатистического» по стране кризиса. Несмотря на ряд проблем организационного плана, выявившихся в 1990-е, уже в первом десятилетии нового столетия историческая наука в СПбГУ стала набирать обороты. Постоянно расширялся круг изучавшихся тем и проблем, рос географический, временной и предметный кругозор учёных-историков.

В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В условиях краха советской системы и возвращения исторической науки к нормальным условиям существования давние традиции петербургской школы нашли своё развитие в трудах Юрия Георгиевича Алексеева, Бориса Васильевича Ананьича, Даниила Натановича Альшица (1919–2012), Рафаила Шоломовича Ганелина, Бориса Николаевича Миронова, Руслана Григорьевича Скрынникова (1931–2009) и многих других исследователей, трудившихся на факультете в 1990–2000-е годы, чьи имена и чьё творчество составляют достояние современной российской исторической науки. Важно подчеркнуть, что все они — прямые научные наследники («ученики учеников») классиков петербургской школы — Платонова, Лаппо-Данилевского, Преснякова и других выдающихся учёных дореволюционной эпохи.

При этом, разумеется, крах прежней идеологической парадигмы поставил петербургских историков перед сложной задачей усвоения методологического инструментария, выработанного мировой исторической наукой в годы «железного занавеса». Впрочем, как кажется, представителям нынешней петербургской школы в этом отношении было проще, чем многим другим российским историкам — менее плотными были «идеологические шоры», которые надо было отринуть. Как результат, в сегодняшних исследованиях и учебных планах исторического факультета (с 2014 года — Института истории) своё место обрели такие темы и курсы, как историческая антропология, интеллектуальная история, историческая память, публичная история, история понятий, история российской повседневности и другие.

К кафедрам источниковедения истории России и истории западноевропейской и русской культуры, созданным в 1990-е годы, в первое десятилетие XXI века добавился целый ряд новых: истории славянских и балканских стран, исторического регионоведения, архивоведения, музеологии²⁶. Это в полной мере соответствует тому видению миссии исторической науки (история общества, история искусства, история в музеях), которая была выработана ещё нашими отцами-основателями. История распростирилась в университете: в основном силами историков был создан новый факультет — факультет истории международных отношений; — историки работают во многих других подразделениях университета.

Возвращаясь к вопросам, заданным в начале статьи, можно с уверенностью предположить, что отличительной чертой петербургской школы на разных этапах её развития была именно *борьба за историю* как за научную дисциплину с собственным академическим статусом и в этом смысле независимую от различных форм идеологического/государственного заказа. Отражением этой установки был не только источниковедческий и историографический пафос исследований, но и предельная осторожность в сфере так называемого исторического синтеза — где лидерство принадлежит московской школе. В этом контексте уникальным ресурсом петербургской школы является традиция «исторического ремесла», важная для поддержания преемственности национальной историографии при любых социальных потрясениях и политических режимах.

г. Санкт-Петербург

Примечания

1. Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб. 2000. С. 7–188; Ананьич Б. В., Панех В. М. О петербургской исторической школе и её судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113; Брачёв В. С. «Наша университетская школа русских историков» и её судьба. СПб. 2001; Ростовцев Е. А. Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе // Фигуры истории или общие места историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб. 2005. С. 303–341.
2. Даудов А. Х., Дворниченко А. Ю. Изучение истории университета на историческом факультете // Клио. 2013. № 10 (82). С. 4–5; Ростовцев Е. А., Амосова А. А., Янченко Д. Г. Проекты по истории Санкт-Петербургского университета на историческом факультете // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 2. История. Вып. 3. С. 203–206; Сосницкий Д. А. История Санкт-Петербургского университета в сетевом пространстве // Клио. 2013. № 10 (82).

С. 145–148.
3. Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. СПб. 2012–2014 // <http://bioslovhist.history.spbu.ru/> / словарь-историков-санкт-петербургского-университета-xviii-xx-vv.html.
4. Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб. 1999. С. 58–74.
5. Ростовцев Е. А., Баринин Д. А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. 2013. № 10 (82). С. 36–41.
6. Малинов А. В. К. Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб. 2005.
7. Брачёв В. С. Крестный путь русского историка. Академик С. Ф. Платонов и его дело. СПб. 2005; Шмидт С. О. Историк С. Ф. Платонов — учёный и педагог (к 150-летию со дня рождения). М. 2010.
8. Валк С. Н. Указ. соч. С. 58.
9. Ростовцев Е. А. С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3 (68). С. 29–43.
10. Ростовцев Е. А. С. Лаппо-Данилевский и Петербургская историческая школа. Рязань. 2004.

11. Брачёв В. С. А. Е. Пресняков и петербургская историческая школа. СПб. 2011.
12. Лебедева Г. Е., Якубский В. А. CATHEDRA MEDIAEVI: Материалы к истории ленинградской медиэвистики 1930–1950-х годов. СПб. 2008. С. 6.
13. Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб. 2003. С. 145–155.
14. См.: Золотарёв В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева. Содержание и эволюция. Л. 1988; Погодин С. Н. Максим Максимович Ковалевский. СПб. 2005; Свешников А. В. Петербургская школа медиэвистов начала XX века. Попытка антропологического анализа. Омск. 2010.
15. Валк С. Н. Указ. соч. С. 30–31.
16. Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг. 1920. С. 6.
17. См., напр.: Ростовцев Е. А. В. О. Ключевский и историки петербургской школы (С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков) // В. О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Материалы научной конференции. Кн. 1. М. 2005. С. 340–370.
18. Дворниченко А. Ю. From US with love and care. Феномен Георгия Вернадского //

Клио. 2013. № 12 (84). С. 135–138.
19. Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158.
20. Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб. 2001. С. 20.
21. Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб. 1995.
22. Панех В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб. 2000.
23. К 125-летию юбилею профессора С. Н. Валка // Клио. 2013. № 10 (82). С. 121–144.
24. Брачёв В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб. 2004. С. 270.
25. См.: Солдатов А. В. Попытки осмысления исторических взглядов И. Я. Фроянова в отечественной историографии 1970-х — 2000-х гг. // Университетский историк. Вып. 7. СПб. 2010. С. 458–463.
26. Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, 1934–2004. Очерк истории / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб. 2004.